

Подтвержденные мифы

Олег Хомяков

Культура. — 1994. — 2 апр. — С. 12

2.04.94

БОЛЬШОЙ РЕБЕНОК

В феврале 1975 года Борису Федоровичу Андрееву исполнилось 60 лет. Он снимался в одной из главных ролей в телесериале «Назначайся внуком» у режиссера Ярополка Лапшина на Свердловской киностудии. Юбилейный день стал для великого русского киноартиста и съемочным днем, и было это его личным волеизъявлением: дело, работа — прежде всего. Но не такой народ свердловчане, чтобы не почитать кумира должным образом. И капустник приготовили — смонтировали, переозвучили, переназначили андреевские роли, подвешивая отснятый материал, и цветов клумба, и поздравительных адресов гора, и застолье в Союзе кинематографистов по завершении «торжественной части»... Увидели мы воочию андреевские, обжигающие сердце слезы, что венчали многие из его былинных лент. Помните: «Умер...» Это Саша Свинцов (уралец!), вынесший из дота безжизненное тело Аркадия Дзюбина: «Два бойца». Первая мужская — на широкой щеке, как проклятие войне, убивающей все лучшее и всех лучших. И вдруг: «Кто?.. Кто умер?» — открывает глаза одессит. «Аркадий? Жив!» «Эти жабы (о немцах. — О. Х.) не дождутся, чтобы Аркадий Дзюбин умер». Если бы слова можно было отливать в бронзе! Но застыли в скульптурной позе — тела. И лишь хлынувшие ручьем счастливые, благодарные ребячьи слезы Саши Свинцова не подвластны ни бронзе, ни камню. И времени тоже — недавно в передаче о Е. И. Габриловиче мелькнул этот кадр, на телеэкране: опять першит в горле.

Актеры кино — путеводные звезды души. Для детства, отрочества это особенно верно. После «Трактористов» я влюбился в трактор «Сталинец», стоявший в переулке рядом с кинотеатром. Кто, почему загнал его туда: раскурочил на запчасти, снял сиденье, оставил ржаветь? Не знаю. Всю войну он там простоял, и мы, мальчишки, «накатались» на нем вволю. «Большая жизнь» позвала на шахту: очень хотелось туда — пареньком и чтоб — «приметили». Представляю, каким сморчком-недоткой смотрелся бы я в забое!.. Страшно потянуло на флот — после «Я — черногорец»... Как фланговец, корабль ведет за собой эскадру, так киноактер в классе линкора (а таким и был Борис Федорович Андреев) способен вести за собой весь флот, все поколение.

Чтобы не разорваться на части, я решил проблему очень просто: вознамерился стать киноактером. Тут тебе и дудка, тут тебе и свисток. Кто-то подчитал, что Б. Ф. Андреев «освоил» в кино более ста профессий. И в каждой был так убедителен, что очередной профсоюз готов был выдать ему трудовое почетное свидетельство: «Вы наш». С чего начинается профессиональная любовь к актеру? (В смысле твоего решения: кем быть?). С подражания. Но Боже мой! Попробуй-ка подражательно изобразить Андреева! Уж я раздвинулся, как та лягушка в вола, горло надсадил, глаза из орбит лезли. И не нашлось рядом человека, который сказал бы: «Не тужься. Самой Природе такие жемчужины удаются

ся раз в сто лет — по обещанию. Еще вопрос: создан был Андреев для кино или кино было придумано под Андреева, чтобы состоялся Праздник Человека».

К счастью, в паре с Андреевым часто снимался Петр Алейников. В нем обаяния не меньше, хотя для меня, для школьных моих друзей приоритет Б. Андреева был неоспорим — мы жили в эпоху, слишком уважающую и ценящую всякую мощь.

Алейников получался у меня. Кепочку заломил, пиджачок на плечики и — растягивая медоточиво слова: «А что, Харитон Егорыч: не пойти ли нам выпить пивка?» Или: «Рабочий класс — он добрый класс. Но он и жестокий класс, когда ему гадят». Ваня Курский!

Мы были, конечно, убеждены, что «в жизни» наши экранные любимцы — носители тех черт, которыми подкупали нас их герои. Верили, что Андреев и Алейников с первого дня войны воюют. (Что «подтвердил» сюжет «Три танкиста» в «Киносорбнике»). Что Боря любит побужить, а Петя выпить. Что в части дружбы они — не разлей вода и пр. и пр. Газеты тех лет скупо писали о личной жизни актеров: в память врезалось лишь сообщение в журнале «Искусство кино», что за учебной школьницей Наташи Защипиной «лично следит министр кинематографии И. Большаков» — она часто тогда снималась. Мы довольствовались слухами, мифами, которые с годами накапливались и порой словно бы подтверждались. В «Комсомольской правде» появилась заметка и карикатура на Бориса Андреева: снимаемая в фильме «Илья Муромец», он так побужил в ялтинском ресторане, что разбил все зеркала, разогнал всю публику (как я узнал позже — все в фельетоне было, говоря мягко, сильно преувеличено). Но сами эти «подтверждения» давали повод не выбрасывать до поры копил-

ку фактов, как безделицу, а терпеливо ждать прихода «эпохи гласности».

У меня же, когда накрепко связал жизнь с кино, появились свои возможности — тряхнуть копилкой. Я их не упустил.

В Свердловске Б. Ф. Андреев появлялся нечасто. Работа — прежде всего, верно. Но я чертовски сожалел, что надо ехать в командировку, когда в город прилетает киноактер № 1. Были встречи со зрителями, он объездил всю область, много заработал и... надо же какой казус! «Я в гостинице захожу в его номер, — рассказывала мне потом администратор Бюро кинопропаганды, — и вижу картину, которая меня в дрожь бросает: Борис Федорович сидит на ковре посреди люкса и ревет. «Что с вами?!» — «Меня обокрали...». Он выступал в Свердловске, потом еще в пяти городах: люкс оставался за ним. Получил у нас полный расчет, пошел в ресторан, поужинал — возвращается в номер и обнаруживает, что денег нет. Ни рубля! Я его утешаю: дежурная по этажу — ваша поклонница, глаз не сводит... «С кого?» — хнычет. «С номера». «Я думаю — с меня...» Не могли пропасть деньги: чуть не сто тысяч. Хожу по номеру, заглядываю во все углы, щели. Вдруг — о, счастье! — Борис Федорович поднялся с ковра и запнулся у края: я увидела пачку купюр. Сдергиваю ковер с пола — все там, до копейки. Оказалось, что ему кто-то посоветовал... («Уж не дежурная ли по этажу?» — съязвил я)... Нет, вспомнил! Он прочитал книгу «Я был Цицероном», в которой турецкий шпион прятал деньги, полученные от англичан, под ковром. И испытал этот способ. Но за ужином выпил за успех поездки (его везде принимали на «ура», как Сашу-с-Уралмаша, и он сказал, что ощущает с уральцами кровную связь) — забыл про Цицерона и про ковер. Большой

ребенок, на экране и в жизни».

Женщине подвыпивший да еще прослезившийся мужчина всегда кажется ребенком. Сегодня мы знаем, что Б. Ф. был не актером-натурщиком, как долгие годы отзывались о нем эстеты, а актером-философом, проникавшим и в тайное тайных ролей, и в загадочную природу бытия. Его житейские философии, собранные в подобие «дневника наблюдательно-го человека», поражают.

Но я привык поддакивать женщинам, и в развитие темы «большой ребенок» вынул из копилки одну из звонких монет:

— Рассказывают, что в 1939 году в Киеве с Андреевым вышла такая премилая история. Они приехали с Алейниковым на эпизод в картину «Истребители». За обилием после «Трактористов» уже тянулся шлейф всенародной славы. Поужинали в ресторане, идут вечером по Крещатику. До гостиницы еще топать и топать, а горилка сделала свое дело: сморилась. Вдруг Андреев видит — стоит кровать. Заправлена. На подушках украинская вышивка, на стуле рядом — рушник, тоже расшитый. Пригладился. Около кровати — диван. А погода теплая, майская. Ну на черта им гостиница, если все это не мираж, не пьяная фантазия? «Петя, была команда: отбой!» И — к кровати. Кто-то (а может, показалось?) треснул его по лбу, что-то зазвенело... Короче, ты уже поняла: то был не мираж, а витрина мебельного магазина. Откуда их вскорости извлекли — едва растолкав — милиционеры... Доспали оба в отделении, в кпз. Утром молоденький лейтенант садится за протокол: «Вынужден, — извиняется перед Андреевым, — составить». Тот ему: «Не составишь». Лейтенант: «Вынужден, товарищ Андреев. Я вас лично очень уважаю, но...» — «А я говорю: не составишь». С этими словами Андреев (зная, что они на спирту) выпивает из пущырьки чернил! Во-первых, опохмелился. Во-вторых, как следовало ожидать, второго пущырька — не имеется. Протокол писать нечем. Немая сцена... Тут раздается треск мотоцикла: прибыл начальник отделения со своей семьей — в люльке, на сиденье. Он в Савку из «Трактористов» влюблен без памяти. Начались знакомства, объятия, фото на память: с семьей, с сослуживцами... О мебельном магазине, как о батаре Тушина, «было забыто». Ну разбили витрину, ну аздремкнули — на кровати, на диване... «С кем не бывает!»

Слушательница моя потешилась, поддерживая активно майора-начальника, ибо на его месте поступила бы так же. Тот не артист на сцене, на экране, кто не артист в жизни. Да и не теперь сказано, что жизнь есть подмостки, а пьеса пишется не Шекспиром, а нами, грешными. Тут же — одноактная комедия, которую на бумаге не напишешь, хоть проглоть перо и выпей бутылку чернил.

Не проходит трех лет, как в стенах Свердловской киностудии я пересказываю пьесу автору — уведоив его, что такое у меня хобби: коплю былин-небыли, мифы-легенды о примечательных людях родного кинематографа. Мясистые губы раздвинулись в снисходи-

тельную улыбку, словно края тяжелого, выдавшего виды занавеса.

— Все это было, — знакомым, с хрипотцой, баском, едва не ставшим мне голосовых связок, пробурчал Борис Федорович. — Но не дурость, не благоглупость первопричина, о чем не знают либо умалчивают. Мы с Петром прибыли в Киев. Все же известные артисты, а в гостинице «нет мест». То есть заказан номер, но занят: «Приходите после обеда». Пообедали. «А для форсу выпьем — морсу!» Выпили горилки. Номер не освободился. Это что — порядок? «Поживите пока на улице» — так по логике? Погуляли, поужинали. Звоню администратору из ресторана. Он: «Тысяча извинений — номер еще занят, но по истечении суток...». «Пожалуйста!» — говорю и повесил трубку. А «тысячу» разделили с Петром и выпили — по пятьсот. Но ведь стол в ресторане на четверых. Нас уже знали по «Трактористам». Считали почему-то, что Андреев должен пить не рюмками, а бокалами... И снова мы, как бездомные, на Крещатике. Где — все к нашим услугам: кровати, диван, кресла... в двух шагах! Ну я — шагнул. Что-то зазвенело. Чем кончилось, известно.

Я сказал на это, что уточнение нужное, важное. Но уж коли разговор прямой, момент подходящий, не отметет ли артист начисто другой «анекдот» — более свирепый. Якобы за свойственную Б. Ф. прямоту был он в те же годы арестован, посажен. Спас И. В. Сталин. Который, сидя в кремлевском кинозале, спросил: «А где тот парень из «Трактористов» — косяк сажень в плечах?» Ответили: «Он отдыхает, товарищ Сталин». — «Такой богатырь?» Молчание. Сталин: «Выпустите. Скажите, чтобы не болтал лишнего». Выпустили.

Глаза артиста на миг заволокло дымкой, пробурчал:

— Выпустили. Об остальном спроси у Сталина.

«Тут не убавишь, не прибавишь». И я, как это водится или водилось в подобных случаях, лишь поинтересовался, встречался ли Б. Ф. лично со Сталиным.

— Да. Один раз. На кремлевском банкете он чокнулся со мной: «Будь здоров, Алеша!» Это после премьеры «Падение Берлина».

В фильме «Большая жизнь» Ваня Курский взялся объяснить другу, что есть любовь. Харитон Балун хрюкнул кулаком по столу: «Что ты понимаешь в любви?! Любовь — это, как тиф!».

О любимом актере я прочитал десятки статей, монографий, книг. Мне и вся «лирическая мелочевка», все мифологемы о нем дороги. Сам вот собрал крупницы, добавил. Но вижу сон: Б. Ф. в костюме шахтера Балун, в сдвинутой на бровь фуражке, прочел газетную полосу, лежащую перед ним, шаркнул по ней кулачком и — на меня:

— Что ты знаешь об артисте Андрееве?! Андреев — это, как Русь! А Русь...

Сон — словно в проекционном аппарате лента — оборвалась...

● Б. Андреев.

Фото Г. Турубинера.